Рецензия на книгу: Ермишин О. Т. Философия русского зарубежья XX века

М.; СПб. : Летний сад, 2019. 303, [1] с.

Сам выход книги с таким заглавием не может не вызвать вздох облегчения у всех, кто любит, знает и изучает русскую философию XX века и культуру русского зарубежья. Слишком ощутимо было столь долгое отсутствие такой книги. Если литература русского зарубежья оказалась не обойденной вниманием, поскольку еще в 1956 г. вышла известная монография Глеба Струве «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк : Издательство имени Чехова, 1956), не раз к тому же потом переизданная, то большой обобщающей работы, которая бы рассмотрела специфику именно философской мысли русского зарубежья, ее становление, особенности и роль в русской и мировой философской мысли XX в. и в культуре русского зарубежья, до сих пор так и не появилось. Книга О. Т. Ермишина, известного специалиста по философии русского зарубежья, публикатора и автора множества статей и ряда книг по данной тематике, доктора наук и ведущего научного сотрудника Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына — первая ласточка, первая серьезная работа такого уровня обобщения.

Но с уровнем обобщения, заявленным в заглавии, невольно связано и неизбежное первичное разочарование читателя, открывающего эту книгу. Потому что после столь долгого ожидания мы рассчитываем сразу на очень многое: на добротный учебник, наподобие «Истории русской философии» В. В. Зеньковского (собрание сочинений которого издал как раз О. Т. Ермишин[1]), с подробным обзором всех течений и направлений философской мысли русского зарубежья, с биографиями и обзором творчества каждого философа, с акцентированием внимания на роли журналов или других центров, ставших площадкой для философских дискуссий в русском зарубежье (как Религиозно-философская академия Н. А. Бердяева, например) и т. д. и т. п. Но ничего это-

1. См.: Зеньковский В. В. Собрание сочинений. Т. 1–4. М. : Русский путь, 2008–2011.

го в книге нет и в помине. О скромности замысла автор предупреждает нас уже в предисловии: «В моих очерках дано первое приближение к русскому зарубежью только в одной конкретной области знания — философской мысли…» (с. 6). И даже это — только самое начало такого приближения: «Трудно говорить об убедительности и обоснованности в самом начале исследовательского пути, который просто нужно продолжить дальше. Ниже же можно ознакомиться только с первыми шагами в указанном направлении» (с. 8).

Сразу стоит упомянуть об адресате данной монографии. Книга О. Т. Ермишина ни в коей мере не учебное пособие для студентов или школьников, вводящее непосвященных в историю и проблематику философии русского зарубежья. Если рассматривать ее в качестве учебного пособия, то лишь такого, которое можно рекомендовать аспирантам гуманитарных вузов или магистрантам, уже подробно изучившим русскую философию. Книга адресована в первую очередь специалистам, тем, кто читал и хорошо знает труды С. Л. Франка, Н. О. Лосского, Г. П. Федотова, В. В. Зеньковского, Г. В. Флоровского, И. А. Ильина и др. Но зато того, кто уже переплыл это море, кто читал основные работы основных философов русского зарубежья и размышлял над ними, кто с нетерпением следит за каждой новой архивной публикацией любимых авторов, того ожидает увлекательное чтение.

Книга делится на три большие части. Попытка приближения к тому, что же из себя представляет такой феномен культуры как философия русского зарубежья, сделана именно в первой части, озаглавленной «Основные проблемы в философии русского зарубежья». Здесь совершенно неожиданной оказывается сама методология подхода к наследию русской эмиграции — не столько историко-философского или историко-научного, но скорее чисто философского, когда творчество предшественников рассматривается не как объект для мысли, но как призыв к собеседованию, продолжению мысли, попытке найти в уже сказанном и продуманном философское завещание, обращенное к современному человеку. Все творческое наследие русских философов, вынужденно оказавшихся в XX в. в эмиграции, О. Т. Ермишин рассматривает как некий общий интертекст, состоящий из своеобразной (не алгебраической) суммы всех входящих в него текстов, как «своего рода коллективное (можно сказать, соборное) творчество» (с. 6). Исследователь рассматривает такое общее творчество как продолжающее традиции русского религиозного

ренессанса начала XX в., как «не идеалистически отвлеченный, основанный на западноевропейских рациональных принципах, а радикальный, глубоко продуктивный религиозно-философский синтез» (с. 6–7). Отличие от предыдущей философской традиции исследователь видит в том, что философия русского зарубежья ориентируется уже не на кантовскую систему, т. е. ставит во главу угла не гносеологию, а метафизику: «Иначе говоря, философия русского зарубежья основана не на идее субъективного знания, а на учении о мире» (с. 7). С такой установкой можно и хочется спорить, тем более что автор недостаточно ее обосновывает, но в данном исследовании она оказывается достаточно продуктивной и действительно помогает отметить такие черты русской мысли, которые до сих пор редко удостаивались внимания исследователей: внимание к теме мира во всем ее размахе, взаимосвязь метафизики, историософии и эстетики как разных аспектов мысли о мире, новый уровень отношений «христианской метафизики» с богословием, с христианской культурой, со святоотеческой традицией. В таком ключе автор рассматривает три составляющие общего интертекста: проблемы христианской метафизики, историософии и эстетики. И хотя здесь возникает много встречных вопросов, связанных прежде всего с тем, что осталось за рамками данного исследования (почему подробно рассмотрена эстетика, а этика и антропология лишь в рамках метафизики? почему вне общей картины оказались столь значимые для русского зарубежья мыслители как Н. А. Бердяев, идеи которого рассмотрены лишь в аспекте историософии, и прот. Сергий Булгаков?), сама эта попытка рассмотреть философию русского зарубежья как единый, «соборный», многоголосый текст, включающий в себя метафизические построения С. Л. Франка, Н. О. Лосского, В. В. Зеньковского, историософию Г. П. Федотова, евразийцев, Л. П. Карсавина, эстетику И. И. Лапшина, Н. С. Арсеньева и В. В. Вейдле, очень перспективна. Она позволяет по-новому прочесть труды уже знакомых нам философов, взглянуть на перекличку их голосов другими глазами и услышать общие ноты в этом хоре, часто вырастающие из дискуссий и диссонансов, ноты, которые прежде ускользали от внимания. Поскольку подход автора к этому хору голосов сугубо философский, то мы можем смело продолжить размышлять вместе с ним и задаваться вопросами, связанными с нашим прочтением этого философского наследия: о самой возможности создания свободной философской мысли внутри православия и православной культуры, о совместимости индивидуального дер-

зания мыслителя и его церковности, о том, как мы сегодня можем оценить историческую катастрофу, пережитую Россией в XX в., и что нам дает в этом осмыслении историософская мысль русского зарубежья.

Вторая часть книги О. Т. Ермишина называется «Персоналии», это ряд отдельных очерков об отдельных аспектах философской мысли разных авторов, которыми специально занимался исследователь. Раздел тоже может вызвать все те же нарекания в неполноте: здесь не хватает некоторых фигур «первого ряда» при наличии очерков о гораздо менее известных философах (например, целых два очерка о Б. В. Яковенко) или даже о философских мотивах в лирике (статья «Философские мотивы в творчестве Б. Ю. Поплавского»). Но эта часть книги вызывает даже еще больший интерес, чем предыдущая, и связано это с тем, что О. Т. Ермишин — мастер нарратива о философском портрете мыслителя и его философской эволюции. Здесь исследователь словно забывает о своей взвешенной и безэмоциональной манере философствовать и дает яркие зарисовки интеллектуальных поисков и духовного пути того или иного философа, внося их в биографический контекст и сопровождая детальным анализом его ключевых идей. На одном дыхании читаются такие статьи как «Философская эволюция В. В. Зеньковского: от проблемы психической причинности к системе христианской философии» или «Г. П. Федотов: от медиевистики к исследованию русской религиозности».

Завершающая часть книги называется «Архивные исследования», она возвращает нас к началу, к тому, что это только первый шаг в исследовании философии русского зарубежья, а архивная работа — с публикацией еще неопубликованного, с архивными находками и введением этих находок в научный оборот — тут важная составляющая, поскольку основной адресат данной монографии — это все-таки исследователи, те, кто не просто любит культуру русского зарубежья и философскую мысль, но и пристально ее изучает. И для них книга О. Т. Ермишина — большой подарок.

Н. В. Ликвинцева,
канд. филос. наук